

Итальянец из якутской филармонии

Не так давно мне удалось обстоятельно поговорить о музыке, ее роли в обществе, о целях высокого искусства в современном мире с итальянским дирижером Фабио Мастрингело. И беседа состоялась не в Милане или Риме, а на далеком российском Севере, в столице Республики Саха — городе Якутске. Дело в том, что Фабио — дирижер якутского филармонического оркестра.

«Я был влюблен в Россию с детства»

— Фабио, вы итальянец, но совершенно свободно говорите на русском языке и руководите двумя российскими коллективами — в Санкт-Петербурге и Якутске. Это несколько необычно. Что привело вас в Россию?

— Я был влюблен в Россию с детства. Видимо, шестое чувство подсказало, что она станет моей второй родиной, и в девять лет я выучил русский алфавит, а с начала своей музыкальной карьеры много сил и времени потратил, изучая русскую музыкальную культуру. В России удивительно много больших талантов, достойных восхищения. Но приехал в страну я уже сложившимся человеком. Мое образование началось в Италии, за что большое спасибо отцу. Я тогда не понимал, почему надо по нескольку часов в день заниматься на фортепиано, когда все друзья играют в футбол. Отец только говорил: «Придет время — и ты сам все поймешь». Это время пришло, и я ему очень благодарен. Здесь, в России, мне удалась отличная карьера.

В Якутск меня пригласила Наталья Базалева, мой большой друг. Она позвонила и сказала, что я должен приехать и принять руководство новым коллективом. Я ответил ей, что раз так, то еду, будем работать вместе. А языков я знаю несколько — французский, испанский, английский.

— Вы много ездите по России, получаете интересные предложения в Москве, Новосибирске, да, наверное, и не только. Почему Якутия, далекий край с совсем уже не итальянским климатом?

— Это очень перспективный регион с большими возможностями не только в экономике, но и в человеческом потенциале. Думаю, правильно, что Российское государство уделяет этой территории такое большое внимание. И музыка здесь очень нужна. Ведь классическое искусство — важный момент в развитии человека.

Двадцать лет спустя

— Как долго вы руководите оркестром? Можно ли подытожить проделанную работу?

— Первый концерт я дал в 2012 году 19 марта, поэтому, наверное, еще рано говорить об итогах, но работа проделана большая. Много сил положено на то, чтобы собрать хороших музыкантов. Начала эту работу Наталья Базалева, руководитель филармонии, а сейчас мы продолжаем искать музыкантов вместе. Перед нами стоит важная задача. Вы знаете, в Якутске был свой оркестр, прекративший существование 20 лет назад. Такой большой срок, безусловно, сыграл свою роль: много хороших исполнителей уехали в центр России, Москву, Санкт-Петербург, европейские страны, США.

Необходимо понимать, что музыканту для своего роста нужны общение, постоянный процесс обучения, и мы уважаем выбор этих людей. Они уехали учиться, расти в исполнительском мастерстве, но те-

перь, когда в республике опять есть свой оркестр, крайне важно, чтобы эти люди вернулись. Безусловно, мастера смогут обогатить оркестр, сделать его ярче, сильнее. Коллектив очень молодой, в том смысле, что мы играем вместе только год, но даже этот срок показал, что оркестр способен играть сложную музыку, что мы можем решать серьезные задачи.

— А что можете сказать о слушателях?

— Надо помнить о двадцатилетнем перерыве. Однако, первое, что я увидел в Якутске, — огромная тяга к высокому искусству. Билеты в кассе на концерты никогда не задерживаются. Но, конечно, первое время сказывалось отсутствие навыка слушать. Все-таки классика требует определенного терпения. Надо уметь сосредоточиваться на том, что слышишь в течение длительного времени. Но это проблема роста. Уже сейчас могу отметить, что она ушла. Говорят, что дирижер видит и чувствует спиной, так вот я, стоя спиной к залу, вижу и чувствую, что зрители умеют полностью уходить в музыку, а это значит, мы находимся на верном пути.

— Так все-таки слушатель должен быть подготовлен в восприятии высокого искусства?

— Это не простой вопрос. Конечно, подготовка важна, но здесь огромна роль исполнителей. Я долгое время жил в Канаде. В этой стране есть сильные музыканты, но замечу, что канадское правительство не уделяет большого внимания пропаганде классической музыки. Но и там мне удалось создать камерный оркестр, который имел своего слушателя. Уверен, что если человек открыт для музыки, он способен ее принять, даже не будучи подготовлен. И если музыка не высшего разряда, но исполнена качественно, она будет понята, а если исполнитель вложил и душу, то она найдет самый горячий отклик.

Собрать энергию и забыть обо всем

— Раз мы говорим о музыке, то расскажите, пожалуйста, о ваших предпочтениях. Что вам нравится, ваши любимые произведения?

— Я всегда говорю, что мое любимое произведение то, которое я исполняю. Это, конечно, шутка. Но так как я начал свой музыкальный путь как пианист, то для меня фортепианная музыка до сих пор очень важна. Я люблю таких композиторов, как Шопен, Лист, Рахманинов. Когда я занялся дирижированием, Рахманинов стал для меня моментом связи между фортепиано и дирижированием. Может быть, потому, что он был одновременно пианист, композитор и дирижер. Кстати, очень сожалею, что Рахманинов, когда переехал в Америку, много выступал как пианист и мало уделял времени сочинению музыки. У Рахманинова я люблю, можно сказать, все, что он написал. Но все-таки, может быть, симфонические танцы и 3 симфония. И конечно, для меня как пианиста 3-й фортепианный концерт.

И есть третий момент, чисто итальянский. Это опера. А там, конечно, Верди, но больше всего я люблю Пуччини.

— Можете сказать, что для дирижера главное, в чем сложность профессии?

— Прежде всего дирижер должен быть готов взять на себя ответственность за все, что происходит на сцене. Важная часть дирижерской работы — умение собрать всю энергию и забыть обо всем, кроме музыки. Мне это удается. Я иногда сильно устаю, много перелетов, разнообразных впечатлений, сложной работы. Работаю ведь не только в Якутске, но и в Санкт-Петербурге, Новосибирске, есть гастроли по другим городам, недавно давал большой концерт в Ульяновске. Это очень тяжело, подолгу не вижу семью, а у меня в Санкт-Петербурге растет маленький сын. Но когда я слышу первые музыкальные звуки, то вся усталость и все проблемы куда-то уходят. Надеюсь, так будет всегда.

Очень важно для дирижера видеть работу мастеров. Когда у меня выпадает свободная минута и если знаю, что в Питере Темирканов или Гергиев, обязательно пойду посмотреть на репетицию, послушаю концерт. И всегда увижу что-то важное, найду, что взять у мастера.

Гениальностей много, а гений был один

— Вы как дирижер имеете свое видение музыки, которую исполняете?

— Некоторая свобода в интерпретации произведений есть. Очень часто можно услышать споры специалистов о том, что и как исполнять. Есть, например, мнение, что метроном Бетховена работал неправильно и так, как написал Бетховен, играть нельзя. Часто людям кажется, что мастер мог ошибиться и на самом деле надо играть не так, как написано, а по-другому. Полагаю, что важно сыграть именно так, как написал автор. Даже если кажется, что так нельзя, надо найти возможность. Некоторое время назад в Англии один из известных дирижеров решил сыграть Бетховена в точности так, как написано, и звучала совсем другая музыка. Поэтому и я стремлюсь уважать авторское видение.

Кстати, в этом смысле очень важна возможность услышать авторское исполнение, что очень многое меняет в понимании исполняемого произведения. Конечно, это не всегда возможно. Но есть какие-то записи Дебюсси, Равеля, Шостаковича. Мне доводилось слушать Рахманинова, и я уверен, если такая возможность появляется, ее обязательно нужно использовать.

— Но ведь известно, что оригиналы даже гениальных композиторов зачастую трудно читать из-за огромного количества исправлений, перечеркнутых фрагментов. Может быть, это и дает основание для споров об исполнении?

— Да, это так. Рукописи Бетховена изобилуют исправлениями. Это есть и у других композиторов, за исключением Моцарта, у которого любая рукопись — сразу чистовой вариант. Такое ощущение, что сам Господь Бог водил его руку. Думаю, Моцарт — единственный гений в нашей музыкальной истории. Гениальностей много, а гений был один — Моцарт.

Музыкальное будущее Якутии

— Давайте от музыкальных гениев вернемся к якутскому оркестру. Мне кажется, ваша главная проблема сегодня — отсутствие собственного концертного зала?

— Мы отлично понимаем, что оркестр существует только год и невозможно создать все необходимые условия сразу. Это временное положение, но концертный зал с хорошими условиями для репетиций, конечно, нужен. Вы видели, мы собираемся в маленьких комнатах со специфической акустикой. На большой сцене инструменты звучат иначе. И оказывается, что форте должно звучать громче, значит фортиссимо еще громче и требуется искать новые балансы, на что уходит время и силы.

Но мне бы хотелось сказать не только о проблемах. В Якутии я увидел совершенно уникальную Высшую школу музыки. Это настоящее музыкальное будущее Якутии. Дети имеют возможность учиться музыке на природе, они полностью изолированы от городской суеты и шума. Лучшего нельзя и требовать. Что-то подобное я видел в Италии, в 20-ти километрах от Флоренции, на окраине города Фьезоле, есть музыкальная академия, существующая в похожих условиях. Но это академия для взрослых музыкантов. А вот чтобы в таких условиях учились дети, я не видел нигде и никогда.

Магия оперы

— Вы ничего не сказали об оперном пении, а ведь это важная составляющая высокого искусства.

— Пение всегда ближе человеку. И при этом не так важен возраст, национальность. Если музыка способна достигать таких струн в душе человека, которых не может достать никакое другое искусство, то пение — это еще несколько шагов вперед. Есть фантастический театр в России — Новая опера, есть Но-

восибирский оперный театр, Екатеринбургский оперный театр, великолепные оперные театры в других городах. Я хотел бы, чтобы для тех городов, где нет оперы, ведущие солисты и местные оркестры соединили свои силы для того, чтобы как можно больше людей смогли ощутить магию оперы.

Кстати, музыканты — это люди, которые способны много дарить, и я уверен, что если бы была такая возможность, то многие из них сказали бы: мне достаточно моей зарплаты и больше не надо, но я готов приехать и принять участие в любом концерте в любом городе. Я знаю это из собственного опыта — проекта «Опера всем». Это проект оперного пения на улице. Главная цель — показать оперу бесплатно. На этапе планирования мы думали: Санкт-Петербург — культурная столица России, и это будет интересно. Мы рассчитывали на 1,5–2 тысячи человек. Но к нам приходило по пять тысяч человек и больше. Мы благодарны Господу Богу, что смогли показать все четыре оперы. А ведь погода была ужасная, столько дождей.

Война за высокое искусство

— Как вы думаете, телевидение может сыграть заметную роль в пропаганде классической музыки или ее все же можно слушать только вживую?

— Все зависит от реальных условий. Если в городе много хороших театров, сильная филармония, то роль телевидения, конечно, уменьшится. Так обстоит дело, например, в Москве, Санкт-Петербурге. Но так не везде. И если в городе людям некуда пойти, чтобы услышать живое пение и живое исполнение, то тогда роль телевидения резко возрастает.

— И последний вопрос. Было время расцвета классической музыки. Сегодня мы видим, что высокое искусство переживает не самые лучшие свои времена. Чем это обусловлено?

— Сегодня в музыке существует такая вещь, как конкуренция. Классическая музыка живет рядом с эстрадной, роком, другими видами музыкального жанра. Оперный театр сосуществует с мюзиклом. Естественно, все это усложняет позицию классического музыканта. Мы должны быть сильнее и интереснее, чем это требовалось от музыкантов ранее, представлять свое искусство. Это наша социальная миссия. Можно даже сказать, что это война, и мы должны её выиграть.

Беседовала Наталья ЭЛЛЕР